

Юрий Ванничук

ЛЕГЕНДЫ ЛЬВОВА

В двух томах

I

Харьков
«Фолио»
2014

Про маленькую жницу и Августовскую Ночь

Когда-то давно село Голоско не было богатым. Казалось, сама природа позаботилась о том, чтобы людям жилось несладко — густые леса и каменные холмы не позволяли раскинуться колосистым нивам, а потому сразу за селом желтели лишь небольшие лоскутки поля, которые удалось высвободить от камней. Таких лоскутков было много, а до самых далёких идти нужно было целый час.

Один такой надел был у бедной вдовы, которая жила у леса с маленькой дочкой. Женщина тяжело работала в батрачестве, а девочка возилась в огороде, ухаживала за курами и утками.

Пришло время, когда пора уже было хлеб собирать. К счастью, уродило так пышно, как никогда. Всё село радовалось этому. Только бедной вдове было не до радости, потому что она внезапно разболелась и слегла.

— Что же теперь будет с нашим хлебом? — горевала вдова, глядя, как все в селе радостно собирают урожай и возят во дворы роскошные снопы.

— Не печальтесь, мама, — вдруг отозвалась девочка. — Я и сама справлюсь.

— Да где ж тебе такой маленькой справиться? Ты и серпа-то в руках никогда не держала.

— А вот и держала. Я же серпом жала крапиву для кур!

— Скажешь тоже... Сколько там той крапивы. Ох-ох-ох... Может, кто-то из соседей сжалится, да поможет. Но им ведь нужно сперва на своём поле закончить, а потом ещё и смолоть, погода ведь переменчивая. Сегодня парит, а завтра, глядишь, и ливень польёт. А зерно тем временем и осыплется...

— А я вот попробую, какова из меня жница, — сказала девочка и, взяв серп да кувшин молока с хлебом, отправилась в поле.

Зерно уже начало осыпаться. Ещё день-два, и жать будет поздно.

— Не уйду отсюда, пока всего не пережну, — пообещала себе девочка и принялась за работу.

Но маленькие ручки не привыкли к тяжёлому труду, а худенькая спинка скоро заболела. Девочка время от времени разгибалась, чтобы передохнуть. Вот уже и солнце закатилось, и начало смеркаться. Уже ни души в поле не видать. Одна девочка жнёт, а до конца ещё далеко. Руки так устали, что она их уже и не чувствует, будто окаменели, а ноги не слушаются, подкашиваются под ней, и коленки уже исколола острая стерня.

— Никто мне не поможет, — заплакала она, — разве что ночка тёмная.

А тут как раз мимо неё проходила Августовская Ночь — высокая, тёмноволосая пани в роскошном синем, будто ночное небо, платье.

— О, так ты и ночью работаешь? — удивилась она. — Много чего я на свете повидала. Видела, как по ночам гуляют и крадут, но чтобы ниву ночью жали — такого не видела. Да ещё кто жнёт — малышня всякая.

— А что мне было делать, если мама заболела, а колос осыпается уже?

— Ну-ну, не хнычь. Раз уж я рядом с тобой, то помогу.

С этими словами Августовская Ночь взялась за серп и живо принялась за работу, а жала она так, что за один взмах пшеница на десять шагов вперёд ложилась. Не успел ещё и рассвет заняться, а весь хлеб уже лежал в снопах и скирдах.

— Ну, вот и всё, — сказала Августовская Ночь. — А мне пора. Сейчас солнце взойдёт.

— Ой, матушка, как я вам благодарна! Возьмите хоть на память эти колоски.

Августовская Ночь взяла пучок пышных колосков, подбросила вверх и обсыпала ими своё платье. И когда она уходила, девочка увидела, как колоски замерцали золотыми блёстками. С той самой поры Августовская Ночь над Галичиной переливается необычайно ярким сиянием звёзд.

Как появилось урочище Папороть

Когда-то там, где ныне Кульпарков, находилось урочище Папороть. Тут было два источника, из которых брала своё начало река Сорока, которая впадает в Полтву. А на хуторке жил смолокур со своей женой.

Однажды вечером кто-то постучал к ним в дверь. Хозяин открыл и увидел старика, который искал ночлега. Его пустили в дом, накормили, чем Бог послал, и уложили спать. А на утро хозяева проснулись в замке, который аж трещал от разных дорогих вещей. А старика и след простыл.

Зажили они тогда, как настоящие князья. Не прошло и года, и в один такой же вечер кто-то вновь постучал в ворота замка. Сторож протёр сонные глаза и, лениво вздыхая, крикнул:

— Кто там?

— Старый путник просит ночлега.

— Сейчас, — буркнул сторож, — пойду, спрошу помещика.

Поплёлся он в покои, где хозяева как раз готовились спать.

— Пан, а пан!

— Ну, что такое?

— Там дед какой-то ночлега просит!

— Гони его к чёртовой матери! Тут замок, а не постоялый двор!.. Хотя можешь ему дать то, что после ужина осталось.

Сторож собрал объедки в чугунок, вынес к воротам, и открыв окошечко, сказал:

— Хозяева сказали, чтоб вы шли куда подальше. А это вам немного перекусить. Давайте шапку.

Старик снял шапку, сторож налил ему какой-то похлёбки и захлопнул окошко.

Путник печально покачал головой, что-то шепнул над шапкой и выплеснул объедки на ворота. И в тот же миг рос-

кошный замок со всеми жителями с грохотом провалился под землю. Пустырь вскоре густо зарос папоротником, и, глядя на него, никто бы и не догадался, что некогда тут возвышался замок.

Как женщины Львов спасали

Когда татары в 1283 году пытались захватить Львов, то хан Телебуга захотел выяснить, сколько же смогут жители продержаться в осаде. А простоял он под городом две недели и считал, что львовяне уже должны были бы с голоду помирать.

Татарские послы, отправленные в город, стали кричать под воротами, чтоб их впустили. Львовяне уже хотели было открыть ворота, но женщины, узнав об этом, стали просить, чтоб ещё немного повременили.

Быстренько поразбегались львовские женщины по домам, повывкатывали на улицы пустые бочки и поставили их вверх дном. После — повыметали из кладовых всю крупу и муку, что там была, и засыпали донца бочек кто крупой, кто мукой, а кто зерном, да так, чтобы вершок торчал.

— Вот теперь мы уже готовы, — сказали женщины, — пускайте изуверов.

Двинулись татарские послы через город, а тут, куда ни глянь, стоят бочки с несметным количеством еды. Да мало того — выпустили женщины всю птицу и скот из хлевов на улицу, послам даже пришлось палки в руки взять, потому что свиньи им проходу не давали, а гусаки сердито шипели, куры кудахтали и били крыльями.

Увидели послы такое великое множество всякой живности и очень печальными вернулись назад. А хан Телебуга, выслушав их, сразу же приказал войску собираться и идти домой.

Львовская каторга

Когда львовский бургомистр Мартын Кампиан задумал в 1615 году строительство Ратушной башни, то приказал отловить всех-всех тунеядцев, бродяг, пьяниц, картёжников, которые прожигали свои дни в кабаках.

Их приводили на стройку, записывали в ряды рабочих и заставляли трудиться. А стоит отметить, что в этой честной компании немало было детей богатых мещан, которые в руках кроме ложки, карт и чарок и держать-то ничего не умели.

Вот смеху-то было! Весь город над ними потешался. А многие родители сами приводили своих сыновей, как шутили тогда, на каторгу.

Вот почему с северной стороны Кампиановской башни было выбито на камне изображение корабля-галеры, как напоминание о том времени, когда оборванцев «на галеры» отправили.

Что любовь соединит

Эту историю можно было бы назвать «Львовские Ромео и Джульетта».

В 1594 году с далекого Крита привез вино итальянец Микелини. Часть товара заказал для себя украинский купец. И вот у него дома увидел итальянец юную Пелагию, дочь купца, и с первого же взгляда влюбился. С тех пор частенько искал он повода навеститься к ним, пока и Пелагия не ответила ему взаимностью.

Итальянец утратил всякое желание возвращаться домой. Молодые люди шептались друг другу нежности, а родители девушки благосклонно за этим наблюдали, потому что итальянец был им по душе. Однако ко Львову уже подбиралось страшное горе: чума.

Она не раз уже собирала свою чёрную жатву по всей Европе и вот наконец наведальась и сюда, и каждый день